

УДК 7.01

Л. Е. Гаккель

СВЯТОСЛАВ РИХТЕР: «ДЛЯ КОГО ЖЕ СЕГОДНЯ СЫГРАТЬ?»

Несколько текстов о Святославе Рихтере было написано и опубликовано автором при жизни великого музыканта; дважды он откликался на них в личных письмах, а последний, посмертный отклик пришел через посредство Ю. А. Борисова и его воспоминаний «Августейший. Рассказ об одном дне Святослава Рихтера» [1]. Там приведены слова Святослава Теофиловича о первой, посвященной ему, статье автора (1973): «...Статья хорошая, а вот название почему-то такое советское: “Для музыки и для людей”. Для музыки — да, конечно. Хотя музыка и без меня бы вполне обошлась. А люди ... забудут, как только перестану играть. Так уж все устроено» [2, с. 188].

В этих словах — ожидаемое неприятие Рихтером советского идеологического клише (название статьи, конечно, придумано не мной), и в них же зерно глубокой личной драмы Святослава Теофиловича, а именно — *одинокости*.

Жизнь маэстро закончилась восемнадцать лет назад. Но те соотечественники, которые восторженно сопровождали Рихтера на жизненном пути, знают и помнят о его основных вехах. Они знают о необычно позднем начале его консерваторского обучения (с пропуском предварительных этапов), о громком успехе первых концертных сезонов Рихтера и неожиданном официальном признании (Сталинская премия 1949 г.) при запрете зарубежных выездов. Знают о начале международной карьеры музыканта в сорокапятилетнем возрасте. О быстром покорении им мирового концертного пространства. О его высочайшем творческом тоне в 1960-е гг. и некотором успокоении в 1970-е, знаками которого были ансамблевые выступления и игра по нотам. От 1980-х в нашей памяти неотделимы первые московские фестивали «Декабрьские вечера» (собравшие вокруг Рихтера самое сплоченное культурное содружество из всех, которые он встречал в своей жизни), а также две грандиозные гастрольные поездки по Советскому Союзу. И — угасание в 1990-е.

Всё названное не нужно мерить по какой-либо оценочной шкале. Сейчас, когда Рихтера давно нет, мы ощущаем предопределенность творческой и человеческой судьбы маэстро. Конечно, хочется проникнуть вглубь его натуры и его мысли. Но об этом не может быть и речи, если не пытаться восстановить в памяти великие исполнительские достижения Рихтера.

Он играет Бетховена: это всегда *непротиворечиво* — без резких темповых и динамических контрастов; звучность одновременно и слитная и прозрачная; это *космос*, лежащий перед вами во всей своей законченности. В рихтеровском Шуберте гипнотизирует ровность темпа или — иначе сказать — мерное движение времени: по своему «зимнему пути» идет одинокий странник. А в Прокофьеве пианист невероятно тонизирован, энергия «ударного фортепиано» достигает предела. Называя этих трех авторов, открываешь шлюзы своих филармонических

воспоминаний: незабываемыми остались Вариации на тему Диабелли и Восемнадцатая соната Бетховена, Соната Си-бемоль мажор и «Три пьесы» (1828) Шуберта, Шестая и Восьмая сонаты Прокофьева, многое другое. А Шуман (Фантазия, ор.17, с ее небесным финалом), Рахманинов (Второй фортепианный концерт с его «остановившимся временем»), Шостакович (физически ощутимая агрессия Прелюдии и фуги Ре-бемоль мажор), десятки композиторов, десятки интерпретаций — из необъятного рихтеровского репертуара?..

Что он создал? Прежде всего — ни на что не похожее звучание рояля, покоряющее вовсе не колоритом и красками, а величественной одухотворенностью, порой почти абстрактностью, оставляющее нас, слушателей, наедине с композитором и его мыслями. Рихтер создал мир фортепианной музыки — упорядоченный, ясный, и, вместе с тем, имеющий огромный масштаб, как во времени, так и в звучании. Если же выйти на другой горизонт, то нужно будет сказать, что наш великий артист воплотил тип личности абсолютно независимой, но при этом репрезентирующей свою страну. Он — олицетворенные мощь и властность: не демонстративные, не навязчивые, но ощутимые в каждый миг его присутствия на концертной эстраде, ибо таков жизненный состав Рихтера.

Было ли это важным для нашего государства и нашей культуры в свое время? Внешне — да. Святослав Теофилович получил все высшие знаки отличия, полагающиеся советскому музыканту-исполнителю. А по существу, содержались ли его духовные ценности и само его искусство в кругу ценностей, с которыми советский духовный мир себя отождествлял? Живи он без Рихтера, хватало бы ему чего-то важного, и не нарушился ли его строй, когда он действительно потерял своего крупнейшего музыканта?

На первый из этих мысленных вопросов можно ответить отрицательно, поскольку советский мир не отождествлялся со свободой личности. Что касается второго вопроса, то ответ должен быть положительным. И дело не только, и не столько в том, что мы имели потрясающего репрезентанта, а в том, что Рихтер был одним из тех, благодаря кому в советский жизненный синтез почти незаметно проникало вещество художественной фантазии и способность преображать мир по образу и подобию художника-творца.

Святослав Теофилович остро чувствовал противоречия своей судьбы. И пытался их смягчить, что порой выглядело волнующе трогательно: он, например, старался вписать себя в камерные рамки музицирования — от «Декабрьских вечеров» до фестиваля в Тарусе и совсем уже домашних «Музыкальных собраний в Верхнем Посаде». Вероятно, ему хотелось укрыться от прожекторов официальной известности и создать тесную слушательскую среду. Это не удавалось в полной мере: государственный статус известнейшего советского артиста так или иначе давал о себе знать.

Но сказанное означает, что наш мастер имел неослабевающую поддержку советского культурного сообщества (пусть и в его элитарной части) и что сегодня его имя не ушло из российской исторической памяти. Подумаем, в каком значении представляли перед публикой столетние годовщины Альфреда Корто, Артура Шнабеля, Артура Рубинштейна, Вальтера Гизекина или Владимира Горовица.

Это были годовщины выдающихся пианистов — и частных лиц с лучшей или худшей общественной репутацией. О значении Рихтера мы только что говорили. Другое дело, что его ощущения самого себя были ощущениями одинокого человека. Их подготовили семейная катастрофа 1940-х гг., искривленная линия профессиональной карьеры, отсутствие глубокой социальной укорененности. Отсюда — неприятие советского словаря («...для людей»), предвидение посмертной судьбы (частично сбывшееся). Отсюда — трезвая оценка своих поздних «трудов и дней», сохраненная в пересказе Ю. А. Борисова: *«Для кого же сегодня сыграть? Сегодня — ни для кого!»*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вспоминая Святослава Рихтера. Святослав Рихтер глазами коллег, друзей и почитателей / Общ. ред. И. А. Антоновой. М.: Константа, 2000. 384 с.
2. Борисов Ю. А. Августейший (Рассказ об одном дне Святослава Рихтера) // Вспоминая Святослава Рихтера. Святослав Рихтер глазами коллег, друзей и почитателей. М.: Константа, 2000. С. 188–200.